

Сун Мянью затянулся сигаретой несколько раз, окуроч быстро увеличивался, пока почти не коснулся его пальцев. Он бросил сигарету на землю, встал, поправил куртку и положил руку на голову Лу Канцзина.

— Я ухожу из шоу-бизнеса, ты бросаешь.

Лу Канцзин чуть не упал от этих слов:

— Что?

Сун Мянью больше ничего не сказал, направился к лифту, и тут Цзян Цяо, который молча наблюдал за всем, вдруг сказал:

— Остановите его!

Почти одновременно всегда спокойный Тан Сю распахнул дверь машины и бросился вперёд, как стрела, выпущенная из лука.

Цзян Цяо, идущий сзади, на мгновение замер и пробормотал:

— Не ожидал, у парня необычный костяк.

Тан Сю перехватил Сун Мянью у лифта, тот увидел его и Цзян Цяо и замер:

— Что случилось?

— Куда ты идёшь? — спросил Цзян Цяо.

— Снаружи толпа журналистов, я пойду к ним.

— Не ходи, Сун Мянью. — Тан Сю схватил его за руку. — Мне нужно с тобой поговорить.

Сун Мянью удивился. В его памяти этот молодой человек всегда обращался к нему как к старшему, был вежлив и спокоен, но сейчас его аура была настолько сильной, что это поразило. Он замешкался:

— О чём нам говорить?

Тан Сю оглянулся на Цзян Цяо, тот усмехнулся и отошёл в сторону, повернувшись спиной.

Тан Сю отпустил руку и чётко произнёс:

— Лу Канцзин употребляет наркотики, я знаю.

Лу Канцзин и Сун Мянью снова оказались у стены, Лу Канцзин был в оцепенении, сидел на грязном бетонном полу, ресницы слиплись от слёз, а Сун Мянью время от времени похлопывал его по голове.

Тан Сю кратко изложил свои выводы, и после этого Сун Мянью вдруг засмеялся, посмотрев на него.

— Ты умный парень, не выпячиваешь свои знания, молодец.

Тан Сю опустил взгляд на Лу Канцзина:

— Так что же между вами произошло?

— А почему мы должны тебе рассказывать?

— ...

Сун Мянью, видя, что он не отвечает, снова надавил на голову Лу Канцзина и через мгновение сам начал говорить:

— Мы с этим парнем раньше встречались.

— Когда мы были счастливы, мы специально выбирали похожие роли, и наши карьеры стали развиваться в одном направлении. Снаружи все говорили, что мы только делаем вид, но на самом деле это было не так, тогда мы были как мёд и масло.

Сун Мянью закурил ещё одну сигарету, дым окутал его лицо, почти попав Тан Сю в глаза.

— Но этот дурак, отправив мне сообщение в WeChat, решил сохранить его как память, не удалил диалог, и его отец увидел.

Лу Канцзин на полу резко поднял голову, его глаза, полные слёз, выражали шок. Он хотел что-то сказать, но Сун Мянью снова шлёпнул его по голове, заставив замолчать.

— Его отец поговорил со мной, заставил меня расстаться с ним. Я не хотел, поэтому старался меньше общаться. Но этот парень оказался слишком гордым, сам предложил расстаться.

Лу Канцзин попытался встать:

— Почему ты раньше не...

— Заткнись!

Голос Сун Мянью заставил Лу Канцзина замолчать.

— Сиди!

Лу Канцзин замер на несколько секунд, затем сел.

Тан Сю невольно подумал: «Управлять любовником, как собакой, даже с большой любовью, слишком тяжело».

Сун Мянью вздохнул, смотря на затылок Лу Канцзина с досадой:

— Этот парень слишком глуп, из-за такой ерунды он готов был разрушить свою карьеру, чтобы превзойти меня. Чтобы обойти меня, он связался с группой мерзавцев и бизнесменов, начал употреблять наркотики.

— Я много раз с ним говорил, без толку. Вы все думали, что вчерашняя авария была из-за пьянства? Нет, это была наркотическая езда! Этот парень становится всё круче, с рекламодателями он принял две таблетки экстази, был в кайфе и сразу попал в аварию.

Сун Мянью снова ударил Лу Канцзина по голове.

Тан Сю не выдержал:

— Хватит бить, ты его совсем оглушишь.

— Он и так дурак. — Сун Мянью сам вдруг рассмеялся. — Слишком глуп, я просто в шоке.

Он резко поднял Лу Канцзина с пола, заставил его смотреть себе в глаза и громко сказал:

— Я сейчас пойду к фанатам, извинюсь и уйду из шоу-бизнеса, Лу Канцзин, если у тебя есть хоть капля совести, прошу тебя, брось наркотики, я благодарен твоим восьми поколениям предков!

Он оттолкнул Лу Канцзина и повернулся, чтобы уйти.

Но в тот момент, когда он повернулся, Лу Канцзин бросился к нему и обнял его ногу.

Весь гараж наполнился громким плачем.

— А Мянью, я виноват, я виноват, А Мянью. Я пойду к журналистам, я извинюсь перед всеми фанатами, я всё расскажу! Не уходи... если ты уйдёшь, ты погибнешь, ты понимаешь? Я виноват, я виноват...

Взрослый мужчина рыдал, обнимая чужую ногу и не отпуская.

С точки зрения Тан Сю, он мог ясно видеть, как в глазах Сун Мянью мелькнула боль и слёзы.

Но он уже собирался оттолкнуть Лу Канцзина.

Всё это время молчавший Тан Сю вдруг схватил Сун Мянью за руку и мягко сказал Лу Канцзину:

— Сеньор, отпусти.

— Если Сун Мянью возьмёт вину на себя, это будет лучший исход. Если ты выйдешь вперёд, вы оба погибнете.

— Послушай Сун Мянью, брось наркотики, играй хорошо. Если сможешь, убеди своего отца, и вы сможете быть вместе.

Лу Канцзин затрясся всем телом, он с недоверием поднял голову, чтобы посмотреть на реакцию Сун Мянью, но увидел только холодный взгляд.

Он замер на полминуты, слёзы текли из его глаз, как из прорванной плотины.

Сун Мянью протянул руку, словно хотел похлопать его по голове, но потом убрал её.

— Лу Канцзин, запомни, если не бросишь наркотики, никогда не приходи ко мне. Я не знаю такого мусора.

Сун Мянью ушёл.

В восемь вечера Сун Мянью провёл пресс-конференцию, на которой признался, что из-за того, что не получил роль Сяо Бай в «Плахе для лис», он завидовал своему коллеге Лу Канцзину и решил отомстить. Он честно рассказал, как заманил Лу Канцзина в безлюдное место и избил его. Сун Мянью признал все свои преступления, извинился перед общественностью и фанатами, добровольно ушёл из шоу-бизнеса и согласился на пятнадцать дней административного ареста и выплату штрафа.

Лу Канцзин не появился, его менеджер сказал, что Сяо Цзин не сильно пострадал, но решил отдохнуть и может исчезнуть на несколько месяцев. Сколько именно он будет отсутствовать, никто не мог сказать.

Видео закончилось, Тан Сю нажал на экран, чтобы закрыть его, и тяжело вздохнул.

Цзян Цяо, который вёл машину, повернулся к нему:

— Ты же говорил, что хочешь наказывать зло и поощрять добро. Почему ты не выступил и не раскрыл правду?

— ...

Цзян Цяо добавил:

— Ты же знаешь, что если бы ты выступил, главная роль в «Плахе для лис»...

— Цзян-дао.

— Играть главную роль или нет — это ерунда, я говорил, что моя единственная вера — это наказывать зло и поощрять добро.

Тан Сю закрыл глаза, потирая переносицу, и тихо сказал:

— Просто Лу Канцзин не сделал ничего ужасного, а у Сун Мяня есть большое добро. Помочь кому-то совершить добро — это тоже добродетель, я просто дал ему шанс.

Цзян Цяо замолчал, на светофоре загорелся красный, он мягко нажал на тормоз и остановился перед линией.

— Если так, почему ты всё равно не радуешься?

Тан Сю не ответил.

Он не радовался, потому что правда раскрылась только в конце. Добро Сун Мяня было жертвенным, и хотя он помог ему, собрав эту частицу доброй души, это была не та частица, которой ему не хватало.

Цзян Цяо больше не спрашивал, спокойно вёл машину и довёз Тан Сю и себя до дома.

В лифте Тан Сю повернулся к стеклянной стене, глядя на городские огни, его спокойный взгляд был наполнен неизъяснимой тоской. Цзян Цяо, стоя рядом, вдруг почувствовал странное ощущение, будто душа этого юноши была одинокой уже тысячелетия.

Ему захотелось обнять его, погладить по спине и утешить.

Лифт мягко остановился на нужном этаже, оба молча дошли до своих дверей. Тан Сю вздохнул, очнулся и повернулся к Цзян Цяо с лёгкой улыбкой.

— Спасибо, Цзян-дао, сегодня я доставил вам хлопоты.

Он уже провёл картой по замку и собирался войти, но Цзян Цяо вдруг окликнул его сзади.

— Тан Сю.

— Да?

Цзян Цяо наконец произнёс то, что крутилось у него в голове весь вечер.

— Ты сильно отличаешься от многих в этом кругу.

— Чем?

<http://bllate.org/book/16171/1449713>